

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

ПЛАМЯ И ЛЁД:
ИСКУССТВО ВЛАСТИ

Сергей Патрушев

Пламя и лёд. Искусство власти

«Автор»

2026

Патрушев С.

Пламя и лёд. Искусство власти / С. Патрушев — «Автор», 2026

Жасмин — советник Императора, пылающий маг огня, поднявшаяся из трущоб. Константин — её телохранитель, генерал льда, человек без прошлого. В мире интриг, осажденном ледяными троллями и пиратами, они — самое смертоносное оружие Империи. Но чтобы победить, им придется научиться доверять друг другу. Там, где её ярость сжигает мосты, его холод возводит новые. Это история о войне, где побеждает не тот, кто сильнее бьет, а тот, кто умеет прощать, любить и строить империю из пепла.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пламя Севера	5
Глава 2. Тень Империи	13
Глава 3. Искусство спора	20
Глава 4. Торговые пути	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Патрушев

Пламя и лёд. Искусство власти

Глава 1. Пламя Севера

Снег в долине Дракона никогда не был белым. Даже в самые лютые зимы, когда ледяной панцирь сковывал перевалы и дыхание замерзло в бородах часовых, земля под ногами оставалась серой. Это была не грязь, принесенная с юга, и не пепел вулканов. Это был прах. Прах тысяч и тысяч воинов, чьи кости за столетия вмерзли в почву Северного Предела, став фундаментом Империи.

Жасмин стояла на краю тренировочного полигона, и пар от ее дыхания смешивался с морозным воздухом, оседая инеем на высоком воротнике форменного плаща. Ветер с гор трепал ее короткие, цвета воронова крыла волосы, но она не чувствовала холода. Холод был лишь отсутствием тепла, а тепло было тем, что она знала лучше всего на этом свете.

Перед ней, выстроившись в неровную шеренгу, застыли двадцать магов Пятой Огненной когорты. Элита. Выпускники столичной Академии, аристократы в десятом колене, чьи родословные восходили к первым сподвижникам Тиберiana. На их лицах, покрасневших от стужи и унижения, не было страха. Была глухая, высокомерная ярость.

— Еще раз, — голос Жасмин прозвучал ровно, без крика, но его слышали даже на дальних сторожевых башнях.

Она сделала шаг вперед. Под ее сапогом, подбитым стальными шипами, хрустнул наст.

— Лейтенант Корвин, — она остановилась напротив высокого мужчины с породистым, надменным лицом. — Вы иницилируете заклинание «Дыхание ифрита» на счет «три». Ваши ладони открыты. Локти разведены. Вы смотрите на мишень.

Корвин, капитан гвардии, побагровел. — Госпожа советник, я провел в строю двенадцать лет. Я сжигал орды варваров у Черного Хребта, когда вы еще читали учебники по тактике. Я знаю, как держать руки.

— Вы знаете, как держать руки, чтобы выглядеть красиво на параде, — Жасмин не повысила тона, но в ее глазах, темных, как обсидиан, вспыхнул опасный огонек. — А мне нужно, чтобы вы выжили, когда на вас из снежной бури вылетит ледяной голем.

Она повернулась к строю. — «Дыхание ифрита» — это не струя пламени. Это не огнемет городской стражи. Это концентрированный выброс плазмы. Температура — три тысячи градусов. Скорость — четыреста локтей в секунду.

Она подошла к мишени — массивному ледяному кубу высотой в два человеческих роста, который маги-водники специально вырастили для тренировки. — Капитан Корвин, ваша ошибка не в руках. Ваша ошибка в распределении веса. Вы переносите центр тяжести на правую ногу. При инициации заклинания отдача отбросит вас назад и влево. В реальном бою за вашей спиной будет стоять пикинер. Вы споткнетесь об него, упадете в сугроб, и пока будете подниматься, голем откусит вам голову.

Корвин сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки. — Я не упаду.

— Упадете. — Жасмин подняла руку. — Начали. Считаю. Раз.

Маги нехотя приняли стойки. Воздух над полигоном задрожал, нагреваясь. — Два.

Жасмин закрыла глаза, позволяя своему внутреннему дару — тому, что имперские теологи называли «искрой», а она сама считала лишь особым устройством нервной системы — расправиться. Она не чувствовала холода. Она чувствовала пульс земли, медленное, вязкое течение подземных рек, трение тектонических плит глубоко под долиной. И она чувствовала двадцать очагов нестабильного, жадного, хаотичного огня внутри людей перед ней.

— Три!

Воздух взревел. Двадцать огненных струй ударили в ледяной куб. Рев пламени, шипение мгновенно испарившегося льда, грохот — все слилось в единую какофонию. С полигона волной ударил жар, растапливая снег на десять локтей вокруг.

Когда грохот стих, и снежная пыль начала оседать, Жасмин открыла глаза. Куб не был уничтожен. Он был расколот. Глубокая, обугленная борозда рассекла его наискось, но левая нижняя часть осталась нетронутой.

— Строй, замереть! — скомандовала она.

Маги стояли тяжело дыша. От их мундиров валил пар. Корвин пошатнулся, его сапог действительно соскользнул с подтаявшего наста, и он едва удержал равновесие, схватившись за плечо стоящего рядом товарища.

— Огонь был хорош, — констатировала Жасмин, медленно идя вдоль строя. — Плотность потока выше, чем на прошлой неделе. Но вы бьете в стену.

Она остановилась перед разломом. Провела рукой в перчатке по оплавленному краю. — Ледяной голем Севера не стоит и не ждет, пока вы его поджарите. Он состоит из спрессованного фирна и магического льда. Его плотность в четыре раза выше обычного. Вы ударяете его в грудь. Это самая защищенная часть. Магия рассеивается. Вы тратите восемьдесят процентов резерва, чтобы сделать ему неприятно.

Она обернулась к строю. — Смотрите внимательно.

Жасмин не сделала ни одного пасса руками. Она просто шагнула вперед, и воздух перед ней пошел маревом, как над костром. Температура на полигоне поднялась на десять градусов за долю секунды. Снег вокруг ее ног начал плавиться, превращаясь в грязную кашу.

Она подняла правую руку, но не для заклинания. Она просто указала пальцем на верхнюю грань ледяного куба. — Вы бьете сюда. В броню. А нужно бить сюда. — Палец сместился на пол-ярда влево и вниз. — В стык. В точку напряжения.

Из ее указательного пальца сорвалась не струя, не сгусток, а тончайшая, почти невидимая нить белого пламени. Она не ревела. Она пела на высокой, режущей слух ноте. Нить коснулась льда в указанном месте.

Лед не вспыхнул. Он издал звук, похожий на звон лопнувшей струны, и куб беззвучно осыпался тысячей острых, дымящихся осколков.

Жасмин опустила руку. Жар мгновенно схлынул, и на полигон вернулась стужа, обжигая разгоряченные лица магов.

— Огонь — это не молот, — тихо сказала она, глядя на Корвина. — Огонь — это скальпель. Вы не воины с факелами. Вы — хирургические инструменты. Если вы не понимаете анатомию врага, вы бесполезны. На сегодня все. Лейтенант Корвин, после обеда ко мне в штаб. Будем учиться падать.

Маги, ссутулившись под весом собственного стыда, начали расходиться. К Жасмин подошел седой, грузный мужчина в тяжелой медвежьей шубе, наброшенной поверх генеральского мундира. Командующий Северным Пределом, генерал Варн.

— Вы унижаете их, госпожа советник, — пробасил он, выдыхая клубы пара. — Это гордость Империи. Цвет дворянства. Если вы будете ломать их об колено на каждом построении, они начнут ошибаться в настоящем бою просто из страха перед вами.

— Пусть лучше боятся меня, чем ледяных великанов, — Жасмин стянула перчатку и потерла озябшие пальцы. — Варн, посмотрите на них. Они стоят в шеренге. Они быют по фронту. Это тактика времен Войны Раскола.

— А какая должна быть? — генерал с сомнением посмотрел на пустующий полигон.

— Рассредоточенной. Мобильной. Тройка — один огневик, один водник для защиты от ответных чар, один воздушник для маневра. Огневик бьет не в центр, а под колени, чтобы

обрушить массу. Водник не ставит щит, он создает перегретый пар, ослепляя врага. Вы пытаетесь воевать Север мечом. А нужно воевать его же холодом, используя его против него самого.

— Слишком сложно для солдат, — отмахнулся Варн. — Дай им приказ «жечь», и они будут жечь.

— Поэтому мы теряем по два форта в месяц, — отрезала Жасмин. — Свободны, генерал. И пришлите ко мне Корвина. Я не закончила.

Генерал тяжело вздохнул, запахнул шубу и, переваливаясь, побрел к цитадели.

Жасмин осталась одна. Она подошла к тому месту, где стоял ледяной куб, и опустилась на одно колено. Сняв вторую перчатку, она прижала голую ладонь к подтаявшему, влажному камню основания.

Закрыв глаза, она снова потянулась к огню. Но на этот раз — не к тому, что бушевал в людях, а к тому, что спал глубоко под землей. Она нащупала его — горячее, пульсирующее сердце планеты, запертое под толщей базальта. Она не стала брать его силу. Она лишь коснулась его, словно поздоровавшись со старым, опасным другом.

— Ты слишком мягкая, — раздался за ее спиной густой, спокойный голос, в котором слышался лязг хорошего клинка.

Жасмин не вздрогнула. Она знала, что он там. Чувствовала его присутствие еще до того, как он ступил на полигон — как чувствуют изменение атмосферного давления перед грозой.

Она поднялась, отряхнула ладони от подтаявшего снега и обернулась.

Император Тиберий стоял в десяти шагах от нее. Без охраны, без свиты, в простом сером кителе без знаков различия, заправленном в высокие сапоги. На вид ему было не больше сорока, хотя Жасмин знала, что в этом году ему исполнилось пятьдесят восемь. Война, магия и бремя власти не старили его тело, но выжигали что-то внутри, оставляя после себя лишь негнибачимый стержень.

— Я не мягкая, мой император, — ответила Жасмин, склоняя голову в коротком поклоне. — Я экономная. Генерал Варн хочет залить Север кровью и огнем. Я хочу закончить войну до того, как у Империи закончатся люди.

Тиберий подошел ближе. Он был на полголовы выше ее, и сейчас, вблизи, от него пахло морозом, кожей и горьким табаком.

— Варн — хороший мясник. Иногда империи нужны мясники, чтобы расчистить место для садовников. Но ты права. Твоя методика эффективнее. Я смотрел на их показатели. Скорость инициации выросла на пятнадцать процентов. Расход маны на единицу урона упал почти вдвое.

— Они все еще бьют в стену, — тихо сказала Жасмин, глядя императору в глаза. В его зрачках, темных и глубоких, отражалось серое небо Севера. — Они научились жечь лед быстрее. Но они все еще не понимают, зачем они это делают.

— А ты понимаешь? — Тиберий чуть склонил голову набок.

— Я понимаю, что если мы не научим их думать, Север поглотит нас. Не варвары. Не големы. Сама земля.

Император долго молчал, разглядывая ее лицо. Ветер трепал его темные волосы с редкой, благородной сединой на висках.

— Гордость, — наконец произнес он. — Вот что отличает тебя от них, девочка. У них есть страх смерти, но нет гордости за свой разум. У тебя есть и то, и другое. Это опасная смесь.

— Вы сами меня такой сделали, — она позволила себе легкую, едва заметную усмешку. — Вытащили из трущоб Южного порта, дали образование, титул и право стоять рядом с генералами. Вы хотели оружие. Вы его получили.

— Я получил советника, — поправил ее Тиберий. — Оружие не спорит с императором, Жасмин. Оружие просто убивает.

— Если император неправ, он должен быть оспорен. Иначе он перестает быть императором и становится тираном, а Империя — прахом.

Тибериан тихо рассмеялся. Смех был сухим, лишенным веселья. — Слова моего канцлера. Ты слишком много времени проводишь с Ликтором.

— Ликтор учит меня истории. Вы учите меня власти. Магистр Риан учит меня магии. Я просто пытаюсь сложить эти три книги в одну, которая поможет нам не проиграть.

— Ты не проиграешь, — лицо императора вдруг стало серьезным, черты заострились. — Потому что сегодня днем ты отправляешься в Альд-Хар.

Жасмин замерла. Альд-Хар — Ледяной Чертог, столица Королевства Севера. Место, куда не ступала нога имперского дипломата уже двадцать лет. Место, где воздух обжигает легкие холодом, а любой открытый огонь считается объявлением войны.

— Послом? — ее голос прозвучал тише, чем ей хотелось бы.

— Моим личным голосом, — кивнул Тибериан. — Совет Племен требует переговоров. Они говорят, что их шаманы больше не могут сдерживать дыхание вечной мерзлоты. Что-то просыпается в Ледяных пустошах, за их горами. Что-то, что пугает даже их.

— Они просят о помощи? — в это было трудно поверить. Гордые дети льда, веками резавшие имперские легионы, просят помощи у Юга?

— Они просят о перемирии. И о праве прохода для своих беженцев в наши южные провинции, если их земли падут.

— Если они пустят нас в Альд-Хар, мы сможем нанести на карты их пустоши, — медленно проговорила Жасмин, и в ее уме уже начали выстраиваться схемы, логистические цепочки и маршруты снабжения. — Мы сможем разместить там гарнизоны.

— Ты мыслишь как генерал, — Тибериан положил тяжелую, теплую ладонь ей на плечо. — Но ты едешь туда как дипломат.

— Я не умею улыбаться и кивать, когда мне лгут, — она сбросила его руку, отступая на шаг. — Я не буду пить их отравленный чай и обсуждать узоры на гобеленах. Мой язык — это пламя.

— Именно поэтому ты едешь, — император остался невозмутим. — Они ждут имперского легата в шелках. Они ждут просителя. Они получают тебя.

— Меня? — Жасмин горько усмехнулась. — Девочку из трущоб? Они съедят меня живьем, как только я переступлю порог их Чертога. У них нет уважения к силе, которая не подтверждена древностью рода.

— У них будет уважение к силе, которая выжила в их собственном доме, — Тибериан подошел вплотную, нависая над ней. Его голос стал жестким, не терпящим возражений. — Ты не возьмешь с собой легион. Ты не возьмешь с собой Корвина и его огненных мальчиков. С тобой поедут только десять человек охраны. И твой дар.

— Север убивает огонь, — напомнила она. — Там слишком холодно. Я не смогу зажечь даже свечу, не истощив себя до комы.

— Ты не будешь зажигать свечу, — глаза императора блеснули сталью. — Ты сама станешь свечой.

Он развернулся и пошел прочь, к выходу с полигона, где его уже ждала карета. На полпути он остановился, не оборачиваясь.

— На совете, Жасмин, — его голос снова стал ровным и тяжелым, как гранитная плита, — дипломатия важнее силы. Но помни: сила — это то, что заставляет дипломатов слушать. Не дай им забыть, кто держит в руках факел, а кто — лишь перо.

Когда карета императора скрылась за воротами цитадели, Жасмин осталась стоять посреди опустевшего полигона. Ветер с гор ударил с новой силой, неся с собой острые, как стекло, кристаллы льда.

Она посмотрела на свои руки. Обычные руки молодой женщины, если не считать того, что под тонкой кожей на тыльной стороне ладоней едва заметно пульсировала вязь вен, похожая на карту пересохших рек. Она глубоко вдохнула морозный воздух. Страх перед Альд-Харом был чужд ей. Страх — это реакция на неизвестность. А неизвестность можно изучить, просчитать и сжечь.

Ее пугало другое. Пугало то, что впервые за долгие годы голос императора, полный гордости за свое лучшее творение, прозвучал как прощание. И то, что в его словах о «чем-то, что просыпается в пустошах», не было ни капли лжи.

Жасмин надела перчатки, плотнее запахнула плащ и пошла к штабу. У нее было три часа, чтобы собрать досье на каждого члена Совета Племен Севера, и час, чтобы написать прощальное письмо магистру Риану. Пламя Севера только начинало разгораться. И ей предстояло стать его центром. Не для того, чтобы согреть. А для того, чтобы выжечь.

Штаб Пятой когорты располагался в бывшем пороховом складе — единственном каменном здании на полигоне, которое не боялось случайных выбросов магии. Внутри пахло озоном, остывшим железом и сухим пергаментом.

Жасмин сбросила плащ на спинку стула и опустилась за массивный дубовый стол. Свеча на столе — единственная уступка уюту — горела ровно и неярко. Огонь всегда слушался ее, даже когда она не пыталась им управлять. Это было врожденное, почти физиологическое сродство.

Она выдвинула ящик стола, достала оттуда карту Севера, развернула ее, прижав края тяжелыми бронзовыми пресс-папье в виде оскаленных волчьих голов.

Альд-Хар. Ледяной Чертог. Город, построенный не на земле, а внутри гигантского ледника. Имперские разведчики, рискнувшие подобраться достаточно близко, докладывали, что чертоги там вырезаны прямо во льду, а свет дают не факелы, а зачарованные кристаллы, в которых замурован вечный холод.

Как там выжить огневику? Как не превратиться в сосульку в первую же ночь?

— Ты хмуришься. Это плохой знак для человека, который через шесть часов должен улыбаться варварским королям.

Голос раздался от двери. Не грубый бас генерала Варна и не сухой шелест канцлера Ликтора. Он был мелодичным, текучим, как вода, и в то же время обладал странной, звенящей твердостью.

В дверном проеме стоял человек, которому там было не место. Слишком изящный для военного штаба, слишком спокойный для преддверия войны. На нем была мантия цвета ночного неба, расшитая серебряной нитью, складывающейся в созвездия. Длинные, абсолютно белые волосы были собраны в сложную косу. Бледная, почти прозрачная кожа, на фоне которой губы казались подкрашенными кровью.

Магистр Риан, Верховный Архивариус Империи, глава школы Льда и Хранитель Древних Свитков. Единственный человек при дворе, чье происхождение было древнее и сомнительнее, чем у самого Тиберiana. Полукровка. Дитя союза имперского дворянина и ледяной девы с вершин Хрустальных гор.

— Я не собираюсь им улыбаться, — ответила Жасмин, не поднимая глаз от карты. — Я собираюсь их сжечь, если они сделают неверный шаг.

Риан тихо рассмеялся. Смех был похож на звон сосулек, разбивающихся о камни. Он подошел к столу, бесшумно ступая по каменному полу. В его присутствии температура в комнате упала еще на несколько градусов. Свеча на столе жалобно мигнула, готовая погаснуть.

— Тибериян отправляет волка в овчарню и удивляется, почему овцы нервничают, — Риан оперся длинными пальцами о край карты. Его взгляд скользнул по топографии. — Альд-Хар — не крепость, Жасмин. Это капкан. Лед там тоньше, чем кажется. И он помнит кровь.

— Поэтому вы здесь? — она наконец подняла на него взгляд. — Причитать над старыми легендами?

— Я здесь, потому что ты — единственная дура при дворе, которая не боится смотреть мне в глаза, — Риан улыбнулся, обнажая острые, чуть удлиненные клыки, наследие его матери. — И потому что ты единственная, кто может пережить эту поездку.

Он протянул руку над картой. Его пальцы не коснулись пергамента, зависнув в дюйме над ним. — Смотри, — прошептал он.

Воздух над картой сгустился. Свеча погасла окончательно, погрузив штаб в полумрак, освещаемый лишь бледным сиянием, исходящим от рук магистра. Это был не огонь. Это был лунный свет, ставший плотным.

Сияние обрисовало контуры Ледяных пустошей. — Ты думаешь, Север — это просто холод? Варвары в шкурах и големы из снега? Это то, что они позволяют нам видеть.

Сияние углубилось, проникая сквозь толщу льда на карте. Жасмин увидела не камень. Она увидела исполинскую, пульсирующую сеть. Тонкие, светящиеся голубым нити пронизывали ледник насквозь, уходя на мили вглубь и вширь. Они сходились в нескольких точках, образуя узлы невероятной плотности.

— Что это? — выдохнула Жасмин.

— Кровь мира, — ответил Риан. — Древняя магия, которая текла здесь до того, как первый человек взял в руки палку. До того, как Первый Император поднял свое знамя. Ледники Севера — это не замерзшая вода. Это спящий дракон. А эти нити — его вены.

— И они просыпаются?

— Их будят, — поправил магистр. — Есть разница. Големы, которые атакуют наши форты — это не просто магия шаманов. Это иммунный ответ. Ледник отторгает инородное тело. А то, что шаманы не могут сдержать... — Риан указал на самый крупный узел сети, находящийся глубоко в неисследованных пустошах. — Это сердце. И кто-то вонзил в него нож.

— Кто? — голос Жасмин сел. — Орден Полудня? Южные работорговцы?

— Если бы, — Риан убрал руки. Сияние погасло, и комната снова погрузилась в полумрак, освещаемый лишь серым светом дня из узкого окна. — Я бы знал. Это что-то... чужое. Древнее. Оно не пахнет ни магией людей, ни кровью моего народа. Оно пахнет пустотой.

Он выпрямился и посмотрел на Жасмин сверху вниз. В полумраке его глаза казались двумя осколками вечного льда.

— Твоя сила, Жасмин, — это ярость. Солнце, запертое в теле человека. Ты идешь туда, где солнце — это преступление. Если ты зажжешь там свой огонь, чтобы защититься, ты растопишь пол под своими ногами и утонешь в ледяной воде. Если ты зажжешь его, чтобы напасть, ледник рухнет тебе на голову.

— Я знаю, как контролировать выбросы, — огрызнулась она.

— Ты контролируешь их в долине, где воздух плотный и теплый, — Риан покачал головой. — Там, наверху, воздух разрежен, а холод — это не отсутствие тепла. Это активная, агрессивная сила. Он будет высасывать из тебя жизнь быстрее, чем ты успеешь сплести заклинание.

Он подошел к ее шкафу, распахнул дверцы. На полках лежали стопки мундиров Пятой когорты — плотная шерсть, кожа, стальные пластины. — Это одежда для смерти, — констатировал он, брезгливо касаясь красного сукна. — Теплой, почетной, но смерти.

Риан вернулся к столу, снял с пальца простой серебряный перстень с черным камнем и положил его перед Жасмин. — Отдай это своему Корвину. Пусть тренирует удар в стык на нем. А для себя...

Он протянул руку. На его ладони лежал маленький, размером с вишневую косточку, кристалл глубокого, бархатно-черного цвета. Внутри него не было граней, он поглощал свет, казаясь провалом в бездну.

— Это слеза дракона, — сказал Риан. — Осколок первородного льда, в котором застыл вздох умирающей звезды.

— Я не маг льда, — Жасмин отодвинула руку. — Я не смогу его активировать.

— Тебе и не нужно, — Риан настойчиво вложил кристалл в ее ладонь. Камень был обжигающе холодным, но холод этот не обжигал кожу — он впитывался в нее, распространяясь по венам. — Я уже активировал его. Это не артефакт, который нужно направлять. Это якорь.

Он накрыл ее руку своей. Его ладонь была странно теплой, почти горячей по сравнению с кристаллом. — Когда холод станет невыносимым, когда ты почувствуешь, что кровь в твоих жилах превращается в песок — сожми его. Не пытайся призвать огонь. Сделай обратное. Позволь холоду войти в тебя.

— Что? — Жасмин дернулась, пытаясь высвободить руку. — Я сгорю изнутри.

— Ты — не огонь, — тихо, но властно произнес Риан, удерживая ее. — Ты — равновесие. Ты — та точка, где пламя встречается со льдом. Твой дар уникален не потому, что ты сжигаешь города. А потому, что ты выжила, родившись с ядром звезды в груди, в то время как твоя мать была ледяной девой.

Жасмин замерла. О ее матери не было известно ничего, кроме того, что она умерла при родах в грязном переулке Южного порта. — О чем вы говорите?

— О том, почему Тибериан выбрал именно тебя, — Риан отпустил ее руку, но кристалл остался лежать на ее ладони, медленно нагреваясь до температуры ее тела. — Он думает, что вытащил талантливого сироту. Я знаю, что он нашел недостающую половину ключа. В тебе течет кровь Севера, Жасмин. Разбавленная, грязная, забытая, но она есть. Лед не убьет тебя. Он узнает в тебе свою.

— Это безумие, — прошептала она, сжимая кристалл в кулаке. Холод от него теперь казался успокаивающим.

— Это политика, — Риан поправил складки своей мантии. — Император посылает волка. Я посылаю ключ. Постарайся не сломать замок, девочка. Если Ледяной Чертог рухнет, он рухнет на весь континент.

Он направился к выходу. У самой двери он обернулся. — И, Жасмин... — его голос стал мягче, почти отеческим. — Не пытайся сжечь их короля. Король Севера — это не человек. Это сам лед. Попробуй его поджечь, и ты просто устроишь им отличный праздник Весенней Капели за счет имперской казны.

Дверь закрылась, оставив Жасмин одну в полумраке штаба.

Она разжала кулак. Кристалл на ее ладони больше не казался чужеродным. Он пульсировал в такт ее сердцу, и в его черной глубине ей на мгновение почудился отблеск далекого, холодного пламени.

Она посмотрела на карту. На Альд-Хар. На пустоши, где просыпалось нечто древнее. Риан сказал, что она — равновесие. Что ж, пришло время доказать это.

Жасмин убрала кристалл во внутренний карман мундира, подошла к оружейной стойке и сняла с нее свой клинок. Это был не тяжелый полуторный меч, принятый в тяжелой пехоте, и не изящная рапира дворян. Это был гладиус — короткий, широкий, с лезвием из темной имперской стали, способной держать зачарование.

Она положила меч на стол рядом с картой. Дипломатия, напомнил ей император.

Она открыла чернильницу, обмакнула перо и начала писать первый пункт своего инструктажа для десяти человек охраны, которые поедут с ней: «Первое правило. Если я говорю бежать — вы бежите. Если я говорю падать — вы падаете лицом в грязь. Если я достаю меч — вы начинаете убивать, не дожидаясь команды. В Альд-Харе нет мирных переговоров. Есть только перемирие между ударами топора».

Закончив писать, она свернула пергамент, запечатала его императорской печатью, которую Тибериан оставил ей «на случай крайней нужды», и встала.

Солнце, тусклое и бледное, едва поднялось над зубцами гор, окрашивая снег в цвет старой кости. День обещал быть ясным и убийственно холодным.

Жасмин надела плащ, надвинула капюшон и вышла из штаба. На полигоне, несмотря на ранний час, уже шла муштра. Генерал Варн, красный от мороза и гнева, орал на лейтенанта Корвина, который в десятый раз поднимался из сугроба.

Жасмин остановилась на мгновение, глядя на их нелепую, суетливую возню. На этих людей, которые готовились умереть за Империю, даже не понимая, как именно это нужно делать.

Она не была для них богиней. Она не была для них матерью. Она была пламенем, которое должно было сжечь их слабость, чтобы на пепле выросла сила.

— Корвин! — крикнула она, перекрывая голос генерала.

Лейтенант замер, вытянувшись по струнке. — Да, госпожа советник!

— Ты все еще переносишь вес на правую ногу, — бросила Жасмин, проходя мимо. — Когда вернусь с Севера, я выжгу тебе эту ошибку на подошвах сапог.

Она вышла за ворота цитадели. Там, на расчищенной площадке, ее уже ждал малый имперский кортеж. Десять всадников в тяжелых зимних плащах. И крытая повозка, утепленная мехами.

Возница, закутанный до глаз, хлестнул лошадей. Жасмин легко, не дожидаясь помощи, запрыгнула в седло подведенного ей коня — выносливого северного мерина, привычного к морозам. Она оглянулась на цитадель, на серые стены, на дымящие трубы казарм. На мир тепла, шума и понятных врагов.

Впереди, на горизонте, горы вставали сплошной белой стеной, сливаясь с таким же белым небом. Там, за перевалом, начиналась земля, где ее огонь мог стать ее могилой. Она прищиприла коня, направляя его к Северному тракту.

Пламя Севера ждало ее. И на этот раз она не собиралась просто жечь. Она собиралась понять, почему горит мир.

Глава 2. Тень Империи

Стук копыт по брусчатке Замковой площади отдавался в зубах. Жеребец, выданный Жасмин из императорских конюшен, был слишком горяч для столичных камней, он танцевал под ней, грыз удила и косил диким фиолетовым глазом на гвардейцев у ворот. Гвардейцы, закованные в полированную сталь, салютовали ей алебардами. Для них она была «Госпожа Советник», правая рука императора, женщина, чье слово могло отправить на плаху любого из них. Они не видели в ней угрозы, лишь холодный, ослепляющий блеск власти.

Жасмин натянула поводья, успокаивая животное. Она чувствовала его напряжение, как свое собственное. Огонь, тлевший в ее крови, всегда отзывался на страх и злость. Конь боялся города — его запахов, шума, тесноты. Жасмин же город ненавидела.

Она въехала в арку Восточных ворот, и ледяной ветер с перевалов сменился зловонием. Запах немытых тел, гниющей в сточных канавах рыбы, дешевого кислого вина и сырой кожи ударил в ноздри, заставив поморщиться. После стерильного, морозного воздуха цитадели, где даже болезни казались чем-то абстрактным и военным, столица дышала гнилью.

— К Рыбному рынку, — бросила она капитану сопровождения.

— Госпожа советник, — старший из гвардейцев, ветеран с обожженным лицом, подъехал ближе, понизив голос. — Это Нижний город. После заката там небезопасно даже для легиона. Позвольте нам взять еще два десятка людей и повозку с конвоем.

— Если я поеду с двумя десятками людей, — Жасмин даже не повернула головы, глядя прямо перед собой на грязную, кишашую людьми улицу, — Нижний город замрет в страхе. Мне не нужен страх. Мне нужно, чтобы они дышали.

Она ударила мерина пятками, пуская его быстрой рысью. Гвардейцам ничего не оставалось, кроме как следовать за ней, расталкивая зазевавшихся горожан. Жасмин чувствовала их взгляды — испуганные, ненавидящие, любопытные. Простой народ столицы не любил императорскую власть. Власть забирала их сыновей в армию, власть забирала их медяки на постройку новых фортов, власть сжигала их дома, если они оказывались на пути очередного имперского тракта.

Она свернула с широкого Императорского тракта в узкую, вонючую щель между домами, которую местные гордо называли улицей. Здесь приходилось спешиться. Жеребец захрапел, отказываясь идти по жиже из помоев и нечистот. Жасмин передала поводья одному из гвардейцев.

— Ждите здесь, — приказала она. — Никто не заходит за мной. Если через два часа я не выйду — ждите еще два. Если не выйду к закату — уезжайте во дворец и доложите императору, что я мертва.

— Госпожа, мы не можем оставить вас...

— Вы не можете меня защитить там, куда я иду, — отрезала она. — Ваши мечи там бесполезны. Убирайтесь с дороги.

Она шагнула в полумрак. Шум города изменился. Рев тракта остался позади, здесь же стоял плотный, давящий гул человеческого улья. Крики торговков, плач детей, ругань пьянчуг, звон молота кузнеца-оборванца. Жасмин остановилась на границе света и тени.

Первым делом она расстегнула фибулу тяжелого мехового плаща. Затем сняла форменный камзол из плотной шерсти. Под ним была надета простая льняная рубаша. Она стянула с рук тонкую кожу перчаток. Ее руки, привыкшие к эфесу меча и жестам заклинаний, казались слишком белыми и холеными для этого места.

Из заплечного мешка, который она носила под седлом, Жасмин достала сверток. Шерстяное платье темно-серого, мышиного цвета, без единого украшения, и грубые деревянные башмаки. Одежда служанки или подмастерья.

Она переодевалась быстро, прислонившись к сырой кирпичной стене, игнорируя брезгливость. Ткань пахла чужим потом и дымом, но она была теплой. Сапоги советника, стоившие как годовой доход целой семьи, она сунула в мешок. Башмаки оказались на два размера велики и тут же натерли пятку.

Но главным было лицо.

Жасмин глубоко вдохнула зловонный воздух и закрыла глаза. Она потянулась к своему дару. Но вместо того, чтобы призвать жар, она сделала обратное. Она призвала пустоту. Ту самую, о которой говорил Риан.

Она представила свое лицо как кусок мягкой глины. Высокие скулы, которые так любил писать придворный портретист, делая ее похожей на хищную птицу, начали оплывать. Резкая линия подбородка, доставшаяся от отца — кого бы он ни был — стала мягче. Темные, почти черные глаза она «высветлила» до обычного карего цвета, потушив в них тот самый опасный обсидиановый блеск. Она стирала с себя годы тренировок, тяжесть решений и ледяной холод власти.

Когда она открыла глаза, из тени на свет грязной улочки вышла другая женщина. Уставшая, с легкой сутулостью, с лицом, на котором жизнь оставила лишь тонкие, бытовые морщины. Магия не изменила ее черты до неузнаваемости — это было бы слишком опасно и требовало бы огромных сил. Магия сделала ее «никакой». Одной из тысяч.

Она забросила мешок за плечо и пошла вглубь квартала.

Нижний город жил по своим законам. Здесь не было стражи — вернее, стража здесь была своя, и она брала дань с каждого лотка. Здесь не было законов Империи — здесь был закон очереди за похлебкой.

Жасмин шла, вжимая голову в плечи. Она знала эти улицы. Она знала их лучше, чем мраморные залы дворца. Потому что до того, как Тибериян вытащил ее из грязи, она провела здесь десять лет.

Она свернула в Кривой переулок. Здесь не было неба — дома нависали друг над другом, соединяясь верхними этажами. Солнце сюда не заглядывало никогда. Под ногами хлюпало.

У старой, покосившейся двери, обитой для тепла мешковиной, она остановилась. Постучала. Не кулаком — костяшками пальцев, в определенном ритме. Три быстрых, два медленных.

Дверь приоткрылась на звякнувшей цепи. В щели показался глаз, затем беззубый рот. — Кто? — Соль и пепел, — тихо ответила Жасмин. Цепь звякнула снова. Дверь распахнулась.

Внутри пахло вареной репой, сыростью и дешевыми свечами. Это был не дом. Это был «Угол» — тайный приют, который Жасмин организовала три года назад, вытребовав у Тиберияна из казны деньги «на нужды тайной канцелярии» и потратив их на доски, гвозди и котел.

Просторное помещение подвала было забито людьми. В основном — женщины с детьми и старики. Они сидели на длинных лавках вдоль стен. В центре, над огромным чаном, в котором булькало что-то густое и серое, возвышалась гора. Не женщина — именно гора. Широкая, как трактирная стойка, с руками, способными согнуть подкову. Марта.

— А, это ты, мышка, — прогудела Марта, вытирая красные руки о грязный передник. — Я уж думала, стража тебя на воротах прирезала. Опять одна? Сказано тебе — бери хоть пару мордovorотов.

— Мордovorоты пугают людей, Марта, — Жасмин сняла мешок и достала из него тяжелый кожаный кошель. — Здесь двадцать золотых. Это на дрова. Зима будет долгой.

Марта взяла кошель, взвесила его в руке, но открывать не стала. Она знала, что Жасмин никогда не обманывает. — Дрова нынче... — начала она привычную песню. — Я знаю, — кивнула Жасмин. — Спроси у людей в порту, у кого из контрабандистов есть просмоленное дерево. Оно горит жарче.

Она обошла котел, заглядывая внутрь. Пустая репа и немного требухи. — Где лекарь? — спросила она, понизив голос. — У старого Йенса лихорадка. Его трясет так, что лавка ходуном

ходит. — Помер лекарь, — буркнула Марта, вылавливая черпаком разваренную морковь из соседнего бака. — Вчера. Кровью захлебнулся. Чахотка.

Жасмин сжала кулак так, что побелели костяшки. Лекарь был единственным, кто умел отличать простуду от магической гнили, которую иногда приносили с северных фронтов. — Кто-нибудь еще умеет читать руны исцеления? — Только мальчишка, Рыжий. Но он сам еле на ногах.

— Я приведу нового, — сказала Жасмин. — Из Академии. Обещаю. Сегодня же.

Она подошла к лавке, где сидела женщина, качающая сверток. Сверток не плакал. Он даже не шевелился. Жасмин опустилась на колени перед ними. — Лета?

Женщина подняла на нее выцветшие, пустые глаза. Ей было не больше тридцати, но выглядела она на шестьдесят. — Он уснул, — прошептала Лета. — Наконец-то не кричит.

Жасмин осторожно, двумя пальцами, коснулась лба ребенка. Кожа была сухой и горячее, как печной кирпич. Но под жаром она чувствовала другое — ледяную, сосущую пустоту. Это не болезнь. Это истощение. У матери не было молока, а на кипяченую воду с сахаром у них не было денег уже неделю. Ребенок умирал от голода.

— Марта, — голос Жасмин дрогнул. — Принеси козьего молока. Теплого. И меда. — Мышка, меда нет... — Из моих запасов! — рявкнула Жасмин, не оборачиваясь. — В жестяной банке под моей койкой. Живо!

Она взяла сверток на руки. Ребенок был невесомым. Жасмин, способная жечь города, держала в руках существо, которое могла убить обычная простуда. Она начала качать его, тихо напевая. Это была не имперская колыбельная и не солдатская похабщина. Это была странная, тягучая мелодия без слов, которая сама рождалась в ее горле. Мелодия, которую она помнила с младенчества, хотя не помнила лица той, кто пела ее ей.

Подошла Марта с глиняной кружкой. — Осторожно, горячо, — пробасила она.

Жасмин смочила палец в молоке с медом и коснулась губ ребенка. Сначала он не реагировал. Потом его десны задрожали, он впился в палец Жасмин с неожиданной силой и начал жадно сосать.

— Тише, маленький, — прошептала она, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Тише. Я здесь.

Она просидела так полчаса, пока ребенок не выпил всю кружку и не заснул уже настоящим, глубоким сном. Его дыхание выровнялось, а жар начал спадать. Лета смотрела на нее, и по ее грязным щекам текли слезы, оставляя светлые дорожки.

— Он... он будет жить? — прошептала она. — Будет, — кивнула Жасмин, бережно передавая ребенка матери. — Кормить каждые три часа. Марта проследит. Если молоко кончится, скажешь, что от меня.

Она встала. Ноги затекли. Она прошлась по подвалу, раздавая из своего мешка свертки. Сухари, вяленое мясо, травы. Она не смотрела в глаза тем, кому давала еду. Смотреть в глаза значило давать надежду, а надежда в Нижнем городе была самым дорогим и самым лживым товаром. Она была функцией. Тенью, которая приносит хлеб.

— Мышка, — окликнула ее Марта, когда она уже направлялась к выходу. — Там, в углу. Новенький. Пришел вчера. Не ест. Смотрит в стену.

Жасмин обернулась. В самом темном углу, подальше от котла, сидел мужчина. Его плечи были ссутулены так, будто на них лежала крыша дома. Длинные, спутанные волосы скрывали лицо. На нем была форма имперского легионера. Пехотинца. Но она была изодрана в клочья, а на груди, прямо поверх рваного сукна, чернела выжженная дыра размером с кулак. Края ткани были оплавлены.

Жасмин подошла к нему. Остальные обитатели подвала, сидевшие рядом, поспешно отодвинулись, словно от него несло чумой. — Как твое имя? — тихо спросила она.

Легионер не пошевелился. Он сидел на полу, обхватив колени руками. — У меня нет имени, — его голос был хриплым, сорванным. — Там, на Перевале Вдов, я перестал быть.

Она присела перед ним на корточки. От него пахло гарью, кровью и безумием. Но она чувствовала и другое. Вокруг него не было «искры». Его внутренний огонь, который есть у каждого человека, был залит водой. Мертвый, холодный пепел. — Я видела Перевал Вдов, — сказала она. — В отчетах. Там прорвались ледяные тролли.

— Тролли... — он издал сухой, лающий смешок. — Если бы тролли. Тролля можно сжечь. Я сжег пятерых. А потом пришла Тень.

Жасмин замерла. — Какая тень?

— Которая не отбрасывает света, — легионер наконец поднял голову. Его глаза были абсолютно пустыми. — Она прошла сквозь наш строй. Она не наступала на землю. Она просто... выдыхала. И люди замерзали. Не покрывались льдом. Замерзали изнутри. Как стекло. Я стоял в пяти шагах. Меня зацепило краем.

Он показал на оплавленную дыру в груди. — Мой кирасир сгорел. А я... я почему-то нет. Но огонь внутри меня тоже сгорел. Я пуст, мышка. Я жру, но не чувствую вкуса. Греюсь у огня, но мерзну.

Жасмин протянула руку. Она знала, что это безумие. Касаться неизвестного магического поражения... Но она была лекарем по своей сути, даже если ее руки привыкли к мечу.

Она коснулась его плеча. И отдернула руку так, словно обожглась.

Холод, исходивший от легионера, был неестественным. Это была не низкая температура. Это было отсутствие самой возможности тепла. Черная дыра в материи мира. Тот самый «пахнущий пустотой» холод, о котором говорил Риан.

— Вам нужно в Храм, — быстро сказала она, поднимаясь. — В Малый Храм Милосердия. Скажите сестре Марте, что вас прислала Жасмин.

— Зачем? — равнодушно спросил легионер. — Боги не латают дырки в душе.

— Храм — это не про богов, — ответила она. — Это про крышу над головой. Идите. Или Марта вышвырнет вас на улицу, когда начнется раздача.

Она оставила его и быстро пошла к выходу. Ее «мышинная» личина трещала по швам. Встреча с легионером пугала ее больше, чем весь Совет Племен Севера. Если эта «Тень» придет на юг, никакие огненные когорты ее не остановят.

Она выбралась из подвала на улицу. Дневной свет ударил по глазам. Переодеваться обратно в советника было нельзя — гвардейцы у входа в переулок узнают ее. Она намотала на голову грязный шерстяной платок, сгорбилась еще сильнее и смешалась с толпой.

Дорога до Храма Семи Огней заняла почти час. Она шла пешком, глотая столичную копоть. Она шла не как советник и не как мышка из Кривого переулка. Она шла как человек, который ищет тишины.

Храм стоял на границе Нижнего и Верхнего города. Это было огромное, массивное здание из черного гранита, единственное, которое не пострадало во время Восстания Пепла полвека назад. Тибериян не снес его, хотя ненавидел Церковь. Он сказал тогда: «Пусть молятся. Молитва — это тоже налог, только бесплатный».

Жасмин вошла под гулкие своды. Здесь пахло ладаном, горячим воском и камнем. После вони Нижнего города этот запах казался запахом чистоты.

В центральном нефе было пусто. Шла дневная служба, на которой присутствовали лишь несколько старух и пара клерков, зашедших замолить грехи перед квартальным отчетом.

Жасмин прошла мимо алтаря, где в огромной чаше из цельного рубина горело «Вечное Пламя» — магический огонь, который жрецы поддерживали столетиями. Она не остановилась. Она прошла за алтарь, в маленькую боковую дверь, о которой знали только служители и те, кому было действительно нужно.

Здесь была «Крипта Милосердия». Место, куда приносили брошенных младенцев и где умирали те, у кого не было денег на лекаря. Здесь не было золота. Только голый камень и деревянные нары.

В углу, на коленях, стояла женщина. Простое серое облачение сестры-милосердия, руки по локоть в крови и золе. Она растирала в ступке какие-то корешки тяжелым пестиком. Заслышав шаги, она подняла голову.

Ее лицо было изрезано глубокими морщинами, волосы под апостольником были абсолютно белыми, но спина оставалась прямой, как клинок.

— Ты пришла не вовремя, дитя, — голос сестры Марты был скрипучим, но добрым. — Сегодня день поминовения. Мне нужно закончить сорок мазей для лепрозория до заката.

— Я помогу, — сказала Жасмин, опускаясь на колени рядом с ней.

— Снимай свои шелка, — усмехнулась Марта, кивнув на дорогое, хоть и грязное сейчас платье Жасмин. — Кровь плохо отстирывается.

Жасмин засучила рукава. Они работали в молчании. Жасмин толкла в каменной ступке сушеные ягоды шиповника и кору ивы. Сестра Марта добавляла туда медвежий жир.

— В Нижнем городе снова лихорадка, — сказала Жасмин, не поднимая глаз от ступки. — И пришел легионер. У него выжжена душа. Я не знаю, чем ему помочь. Обычные травы не работают. Он... пустой.

Марта перестала растирать корешки. Она взяла руку Жасмин в свои — сухие, горячие, покрытые шрамами от ожогов и щелочей.

— Ты тоже пустая, — тихо сказала жрица. — С тех пор, как вернулась с границы. Ты носишь в себе столько огня, что могла бы осветить всю Империю, но несешь его, как кусок угля в кулаке, боясь обжечься. Что ты видела, дитя?

— Тень, — выдохнула Жасмин. — Я не видела, но я почувствовала ее через него. Марта, она убивает не тело. Она убивает... само желание жить.

— Это не магия, — Марта отпустила ее руку и вернулась к работе. — Это скорбь, доведенная до абсолюта. Когда человек видит слишком много смертей, его душа прячется, чтобы не разорваться. А если в этот момент рядом оказывается что-то злое... оно занимает пустующее место.

— Как лечить пустоту? — спросила Жасмин. — Как зажечь то, чего нет?

— Ты задаешь вопросы, как священник, а смотришь, как палач, — Марта улыбнулась краем губ. — Пустоту не лечат огнем, девочка. Огонь ее выжигает до конца. Пустоту лечат весом. Тяжестью. Ты должна дать этому легионеру причину почувствовать себя тяжелым. Заземлить его. Дай ему лопату. Пусть копает могилы. Или дай ему младенца, как ты дала Лете. Пусть держит. Пусть чувствует, что в его руках бьется чужая жизнь, и он за нее отвечает. Пустота боится ответственности.

Жасмин смотрела на свои руки, перемазанные соком ягод. Марта была права. Всю свою жизнь Жасмин решала проблемы силой. Если враг — сжечь. Если стена — пробить. Если голод — привезти обозы. Но как применить силу к дыре в душе?

— Я уезжаю, Марта, — сказала она. — Сегодня. На Север.

Сестра Марта кивнула, словно ждала этого. — Я знаю. Ветер переменился. Он несет запах пепла с вершин.

— Присмотри за ними, — Жасмин кивнула в сторону двери, за которой умирали и рождались. — И за ним. Если он придет, не пускай его в общую залу. Уложи отдельно. И... не давай ему вина. Вино делает пустоту глубже.

— Куда бы ты ни шла, ты всегда смотришь назад, сюда, — Марта отложила ступку. — А должна бы смотреть в зеркало.

Она встала, подошла к небольшому медному умывальнику в углу, плеснула воды в глиняную миску и протянула ее Жасмин. — Умойся.

Жасмин послушно склонилась над водой. Она смыла с лица грязь Кривого переулка, сок ягод, пыль дорог. Марта зачерпнула воды в ладони и плеснула ей на шею. — Теперь смотри.

Жасмин подняла голову и взглянула на свое отражение в тусклой меди. На нее смотрела не мышка. И не грозный советник. На нее смотрела молодая женщина. Очень, очень уставшая. Под глазами залегли тени, губы были искусаны. Но в самой глубине темных глаз, там, куда не доставал свет тусклой лампы, плескалось что-то мягкое. Что-то, что она всегда прятала под маской язвительности и ледяного спокойствия.

— Ты похожа на нее, — прошептала Марта за ее спиной. — Не лицом. Ликом.

— На кого? — голос Жасмин дрогнул.

— На Императрицу Аврору, — Марта перекрестилась. — Да упокоит Семерка ее душу. Все говорят, что ты — дочь Тибериана от какой-то шлюхи. Глупцы. Они не видели, как Аврора спускалась в трущобы за год до своей смерти. Как она брала на руки таких же детей, как у Леты. Как она плакала над умирающими, хотя ее лицо на монетах всегда было каменным.

— Вы лжете, — прошипела Жасмин. — Императрица умерла, когда мне было пять. Я не помню ее.

— Ты не помнишь лица, — согласилась Марта. — Но твоё тело помнит. Посмотри на свои руки.

Жасмин посмотрела на свои ладони. Тонкие, длинные пальцы. Мозоли от меча на них соседствовали с удивительной, почти музыкальной пластикой. — У нее были такие руки, — сказала Марта. — Она была из северного дома, хоть и воспитывалась при дворе. В ней было много льда, но лед этот был предназначен для врагов. Для своих у нее всегда было тепло.

Марта взяла с полки маленький флакон из темного стекла. — Возьми.

— Что это? — Не лекарство. Благословение. Масло из лампад Семерых.

Жасмин хотела отказаться. Она не верила в богов. Она верила в силу, в логику и в огненную магию. Но она взяла флакон.

— Я не знаю молитв, — призналась она.

— Твоя жизнь — это и есть молитва, — Марта взяла ее за подбородок, заставляя смотреть в глаза. — Но если тебе нужны слова... Когда станет страшно, когда огонь внутри захочет сжечь тебя саму, скажи: «Я несу свет, чтобы другие могли греться, а не чтобы сжигать миры».

Марта отпустила ее. — Иди. Твои псы в доспехах, должно быть, уже извелись. И переоденься. От тебя пахнет репой и надеждой. Во дворце за такое казнят.

Выходить через главный портал было нельзя. Гвардейцы заметят смену одежды. Жасмин знала Храм как свои пять пальцев. Она прошла в ризницу, оттуда — в служебный коридор, которым пользовались только служки, и вышла через маленькую калитку в задней стене, выходящую прямо на Рыбачью пристань.

Здесь снова ударил запах порта — тины, дегтя и свободы. Она пошла вдоль канала, стуча деревянными башмаками по доскам настила.

Она достала из кармана флакон. Масло внутри светилось мягким, золотистым светом. Она открыла пробку. Запах был странным — не ладан, не травы. Пахло грозой после дождя и почему-то детством. Тем самым, которого у нее не было.

Она коснулась пальцем масла и провела линию по переносице. Холодно.

Она выбросила башмаки в воду канала — они ей больше не понадобятся. Остановилась у первой же лавки старьевщика, зашла внутрь, звякнув колокольчиком. За пригоршню медяков она купила новые перчатки — тонкой, дорогой кожи, но уже ношенные, и теплый шерстяной шарф.

Переулками, избегая широких улиц, она вернулась к Восточным воротам. Гвардейцы, увидев ее, облегченно выдохнули. Старший шагнул вперед. — Госпожа советник! Мы уже собирались послать за городской стражей. Где вы...

Он осекся, глядя на нее. Перед ним стояла не «мышка». Но и не та железная леди, что въехала в ворота утром. Ее волосы были в легком беспорядке, выбившись из строгой заколки. На бледной коже горел лихорадочный румянец — следствие спуска в смрад подвала. Но главное — глаза. Обсидиан снова пылал, но теперь в нем не было только холодной стали. Там была боль. Огромная, невысказанная, человеческая боль.

— В городе голод, — тихо сказала Жасмин, садясь в седло. Голос ее был лишен привычных командных нот. Он был просто усталым. — В Кривом переулке лихорадка. Пришлите туда лекарей из гарнизонного госпиталя. Не из Академии. Из госпиталя. И... пошлите людей в портовые ночлежки. Ищите легионера. Описание: выжженная грудь, пустые глаза. Если найдете — не в кандалы. В Малый Храм Милосердия. К сестре Марте.

— Будет исполнено, — гвардейцы переглянулись. Они никогда не видели советника такой.

— Во дворец, — скомандовала она.

Кавалькада двинулась по тракту. Жасмин ехала, низко опустив голову. Она не чувствовала холода. Она чувствовала, как внутри нее, там, где должен быть ровный, управляемый жар, бушует пожар. Пожар из стыда, гнева и любви.

Она спасла сегодня пятерых. Может быть, десятерых. А в это время в порту, в переулках, в гнилых матрасах умирали тысячи. Империя тратила золото на новые баллисты и огненные когорты, чтобы сдерживать Север. Но кто будет сдерживать смерть, которая уже давно живет внутри их собственного дома?

Тибериан гордился ею. Он смотрел на нее сегодня утром и видел оружие. Идеальный клинок. Но клинки не видят, как замерзают дети.

Она посмотрела на свои руки в новых перчатках. Под кожей, по венам, все еще тек огонь. Но теперь к нему примешалось что-то еще. Что-то холодное, тяжелое и темное. Наследство матери, о которой она ничего не знала.

«Я несу свет, чтобы другие могли греться...»

Впереди показались золотые шпили дворца. Символ могущества, богатства и власти. Жасмин плотнее запахнула купленный на пристани шарф. Она вернется во дворец. Она надеет тяжелый бархат советника. Она пойдет в зал Совета и будет резать правду плотками, как стекло. Она заставит Тибериана слышать не о пушках, а о реповой похлебке.

Но сначала она должна была выжить на Севере. Потому что если «Тень», которую почувствовал легионер, доберется до столицы, никакая похlebка уже не поможет. Ворота дворца распахнулись перед ней, и она въехала в тепло, свет и безопасность. Оставив за спиной город, который этой безопасности не имел.

Глава 3. Искусство спора

Зал Малого Совета пах полиролью, старым пергаментом и застарелым потом. В отличие от Зала Тысячи Факелов, где проходили пышные приемы, Малый Совет был местом для работы. Здесь не было золота на стенах — только темный дуб, поглощающий свет, и тяжелые гобелены, изображающие победы Первого Императора. Воздух здесь был спертым, несмотря на открытые фрамуги. Двенадцать человек, сидящих за круглым столом, дышали друг на друга ядом и властью.

Жасмин сидела по правую руку от пустующего кресла Императора. Ее место было ниже, чем у канцлера, но выше, чем у любого из министров. Формально она не имела права решающего голоса. Фактически — именно она держала на своих плечах этот стол, не давая ему рухнуть под тяжестью амбиций.

Напротив нее, потев в бархатном камзоле цвета раздавленной вишни, сидел граф фон Штольц. Глава Министерства Финансов. Человек, чьи предки считали налоги еще при основании Империи. Его лицо, похожее на старую, печеную картофелину, было багровым.

— Это экономическое самоубийство! — Штольц ударил пухлой ладонью по столешнице. Звук получился глухим, жалким. — Вы предлагаете лишить казну почти трети годового дохода! Ваше... сиятельство, — он произнес титул Жасмин с нескрываемым презрением, — вы хоть представляете, сколько стоит содержание легионов на Севере? Сколько стоит фураж для драконьих всадников? Вы предлагаете кормить их воздухом?

— Я предлагаю кормить их будущим, граф, — голос Жасмин прозвучал тихо, но он разрезал тяжелую атмосферу зала, как скальпель. — Воздух, к сожалению, не плавит руду в шахтах Южных Предгорий.

— Южные Предгорья! — Штольц всплеснул руками, его многочисленные перстни заблестели в свете канделябров. — Опять вы за свое! Эти дикари в шкурах, которые поклоняются камням, отказываются платить имперскую десятину. Они называют это «налогом на кровь», потому что, видите ли, их сыновья гибнут в ваших фортах! Так вот, госпожа советник, я вам скажу как человек, понимающий в цифрах: если они не хотят платить за свою защиту, пусть их защищают их камни!

По залу прошелестел одобрительный шепоток. Старая знать — герцоги и графы центральных провинций, чьи земли никогда не видели ни одного варвара, — всегда поддерживала Штольца. Для них Империя была дойной коровой, а провинции — лишь пастбищами.

Жасмин медленно обвела взглядом присутствующих. Лорд-адмирал, грызущий ногти. Магистр Риан, который, казалось, спал с открытыми глазами, но Жасмин знала — он слышит каждое слово. Канцлер Ликтор, бледный, как полотно, делающий пометки в реестре. И пустое кресло Тибериана. Император задерживался, и это было частью его излюбленной тактики — дать собакам перегрызть друг друга, прежде чем войти и бросить кость.

— Граф, — Жасмин подалась вперед, опираясь локтями о стол. Ее простое серое платье, в котором она вернулась из города, было скрыто под тяжелой накидкой советника, но ощущение реповой похлебки на руках все еще жило в ее памяти. — Давайте обратимся к фактам, раз уж вы так любите цифры.

Она взяла со стола свиток, но не развернула его. Она знала цифры наизусть. — Южные Предгорья поставляют Империи сорок процентов всей меди и шестьдесят процентов олова. Из этого олова и меди льются пуговицы на ваших, граф, камзолах, и наконечники для арбалетов ваших телохранителей.

— Это их долг! — рявкнул Штольц.

— Долг — это обоюдоострый клинок, — парировала Жасмин. — Вы требуете от них серебра. Но везти серебро через весь континент из порта в горы — это сколько стоит, граф?

Имперская логистика. Караваны. Охрана от разбойников. По моим подсчетам, на перевозку собранной десятины мы тратим ровно... десять процентов от самой десятины. Еще двадцать процентов оседает в карманах сборщиков налогов, которых вы, граф, назначаете по принципу их родства с вами.

Штольц побагровел еще сильнее. Его пухлые щеки затряслись. — Это клевета! Мои племянники — честнейшие люди!

— Ваши племянники — бездарности, — отрезала Жасмин. В зале повисла мертвая тишина. — И они крадут у Империи. Но сейчас не о них. Я предлагаю отменить подушную подать и налог на вывоз руды для Южного округа.

— Измена! — взвизгнул кто-то с краю стола, герцог де Вале. Сухой, желчный старик, владевший лучшими виноградниками в центре страны. — Вы освобождаете их от дани!

— Я освобождаю их от поборов, — Жасмин перевела на него холодный взгляд. — Вместо серебра, которое гниет в трюмах и карманах ваших родичей, герцог, я предлагаю брать налог натурой. Медь. Железо. Свинец. Прямо на месте. Мы строим в Предгорьях имперские литейные мануфактуры.

Она сделала паузу, позволяя цифрам повиснуть в воздухе. — Сейчас мы покупаем металл у перекупщиков втридорога, чтобы потом везти его обратно на Север для постройки фортов. Это абсурд. Если мы строим заводы на месте, логистика сокращается на восемьдесят процентов. Металл дешевле. Форт на Севере обходится казне на треть дешевле. А горцы... горцы получают работу. Вместо того чтобы кидать в нас камни, они будут лить для нас сталь. Они станут частью Империи не потому, что мы приставили нож к их горлу, а потому, что их дети перестанут умирать с голоду.

— Это социализм! — прохрипел Штольц. — Развращение черни! Если мы дадим им работу и еду, они возомнят себя равными нам! Сегодня они льют сталь, завтра потребуют места в Совете, а послезавтра — ваших дочерей в жены!

— Если мы не дадим им работу, граф, — голос Жасмин стал вкрадчивым, почти интимным, — они перестанут кидать камни. Они начнут лить пушки. Вчера мои люди перехватили караван. В нем было двадцать фальконетов кустарной работы. Литейная глина из Предгорий. Порох из контрабанды. Они учатся. И они учатся быстро, глядя на то, как горят их деревни от наших «справедливых» налогов.

Жасмин встала. Она была ниже большинства присутствующих мужчин, но в этот момент она казалась им выше. Она обошла стол, ее шаги по паркету звучали ровно и неумолимо.

— Вы боитесь их равенства, потому что ваше положение — это не заслуга, это наследство. Вы сидите на золоте, которое копили ваши деды, пока прадеды тех, в Предгорьях, гнили в шахтах. Вы боитесь, что если дать человеку хлеб и молот, он перестанет снимать шляпу.

Она остановилась прямо напротив кресла Штольца. Граф вжался в бархат. — Я не хочу, чтобы они снимали шляпы, — тихо сказала она, глядя сверху вниз на министра финансов. — Я хочу, чтобы они ковали нам мечи. И если для этого мне придется лишить вас десятины с их медяка, я это сделаю. Потому что Империя — это не сундук с золотом в подвале дворца. Империя — это когда кузнец в забытой всеми долине знает, за что он отдает свою жизнь.

Она вернулась на свое место. Села. Сложила руки на столе.

В зале стояла такая тишина, что было слышно, как потрескивает воск в свечах. Лорд-адмирал перестал грызть ногти. Канцлер Ликтор отложил перо. Даже Риан чуть прищурился, и в его прозрачных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Это... это неслыханно, — просипел Штольц, хватая ртом воздух. — Вы подрываете сами основы...

Двери зала распахнулись. Не распахнулись — их открыли плавно, но с такой силой, что воздух качнулся.

Вошел Император Тибериан.

Он не носил корону в Малом Совете. Только тяжелый обруч из черненного серебра. Его серый мундир был застегнут на все пуговицы. Он прошел к своему месту, не глядя на советников, и тяжело опустился в кресло.

Он положил руки на подлокотники. Посмотрел на Жасмин. Его темные глаза ничего не выражали. Затем он перевел взгляд на Штольца.

— Граф, — голос Тибериана был лишен эмоций, он звучал как скрежет камней. — Вы назвали предложение советника «социализмом».

— Ваше Величество, это подрыв устоев! — Штолец вскочил, пытаясь вернуть себе инициативу. — Освобождение провинций от дани приведет к цепной реакции! Все окраины потребуют...

— Сядьте, — тихо сказал Тибериан.

Штолец упал в кресло, словно из него вынули кости.

— Вы боитесь, что горцы возомнят себя равными вам, — Император чуть подался вперед, и всем показалось, что потолок зала стал ниже. — Вы боитесь, что они перестанут вас бояться.

Тибериан медленно повернул голову. Его взгляд прошелся по лицам герцогов и министров. — Я правлю этой страной уже двадцать лет. И за эти двадцать лет я понял одну простую вещь. Люди не любят тех, кого боятся. Они ждут момента, чтобы воткнуть нож в спину. Боятся — значит, ищут силу, которая напугает тебя сильнее.

Он посмотрел на Жасмин. В его взгляде не было нежности отца, но была тяжелая, свинцовая гордость полководца, смотрящего на удачный маневр. — А вот тех, кому выгодно, люди защищают. Своей жизнью.

— Ваше Величество... — попытался вставить Ликтор, но император поднял руку.

— Советник Жасмин права, — произнес Тибериан. — Не в цифрах. В логике. Мы воюем на три фронта. Север жрет золото, как дракон. Восток требует гарнизонов. Если мы не дадим Югу стабильности сейчас, через пять лет мне придется отправить туда десять легионов, чтобы выжечь их дотла. Я предпочитаю отправить туда десять кузнецов.

Он перевел взгляд на Штольца. — Подготовьте указ. Отмена подушной подати. Введение налога на продукцию мануфактур. Контроль за сбором я возлагаю на... — он сделал паузу, наслаждаясь ужасом на лице графа, — на личную канцелярию советника Жасмин.

— Но казна... — пискнул Штолец.

— Казна, граф, это не то, что лежит в подвале, — отрезал Император. — Казна — это то, что движется по дорогам. Если заводы в Предгорьях заработают, поток металла удвоится. Вы найдете, чем заткнуть дыры. А если нет... — Тибериан улыбнулся краем рта. Улыбка была страшной. — У нас много вакантных должностей смотрителей маяков на Огненных скалах. Там очень свежий воздух. Полезен для подагры.

Штолец позеленел. Он открыл рот, закрыл его и просто кивнул, утирая пот со лба кружевным рукавом.

— Далее, — Тибериан обвел советников тяжелым взглядом. — Мануфактуры нужно охранять. Лорд-адмирал.

— Да, Ваше Величество? — адмирал вскочил.

— Снимите две быстрые эскадры с восточного побережья. Перебросьте их в Южное море. Контрабандисты попытаются сорвать нам производство. Выжечь. Без суда.

— Будет исполнено.

— Магистр Риан, — Император повернулся к полукровке. Ледяной маг, до этого казавшийся лишь деталью интерьера, медленно кивнул. — На Южных мануфактурах будет жарко. И магически нестабильно. Мне нужны охлажденные цеха, иначе броня будет трескаться при закалке.

— Я направляю туда выпускников кафедры Термодинамики, — голос Риана прозвучал, как звон льда. — И наложу руны на фундаменты.

— Хорошо. — Тибериан откинулся на спинку кресла. Его лицо снова стало непроницаемой маской. — Совет окончен. Все свободны. Кроме вас, советник.

Советники начали подниматься, задвигая кресла. Они избегали смотреть на Жасмин. Штольц, проходя мимо, бросил на нее взгляд, полный такой концентрированной ненависти, что, казалось, воздух должен был задымиться. Герцог де Вале прошипел что-то о «выскачках». Старая знать понимала: сегодня в этом зале умерла их монополия на власть. Власть перешла от тех, кто считает деньги, к тем, кто считает последствия.

Когда тяжелые двери закрылись за последним министром, Тибериан снял обруч и положил его на стол. Провел рукой по лицу, стирая маску императора. На мгновение он стал просто очень уставшим мужчиной.

— Двадцать минут, — сказал он. — Двадцать минут, чтобы сломать хребет Министерству Финансов. Я думал, это займет неделю.

— Они предсказуемы, — пожала плечами Жасмин. — Их жадность всегда закрывает им обзор. Они видели в моем предложении потерю серебра. Я показала им сталь. Они мыслят сундуками, я мыслю арсеналами.

— Ты мыслишь опасно, — Тибериан налил себе вина из хрустального графина. Рубиновая жидкость плеснула в бокал. Он не предложил ей. Советник не пьет с императором на равных. — Ты только что сделала половину высшей аристократии своими кровниками. Штольц не простит. Де Вале будет плести интриги. Они отравят твоих собак, сожгут твои любимые приюты в Нижнем городе, пустят слухи, что ты приносишь в жертву младенцев.

— Пусть пытаются, — Жасмин не шелохнулась. — Я не прошу их любви. Я требую их подчинения.

Тибериан сделал глоток. Посмотрел на нее поверх края бокала. — В твоих глазах сегодня была кровь, когда ты говорила о Предгорьях. Я видел такое же выражение, когда ты докладывала о Тени с Перевала Вдов.

— Я была в Нижнем городе перед Советом, — ровно ответила Жасмин. — Я видела, как умирает ребенок от голода, пока Штольц считает пуговицы на своем камзоле. Я видела legionera, у которого Тень выжгла душу. Мы строим Империю, отец. Но если в фундаменте будут гнить дети, все ваши форты на Севере рухнут под тяжестью проклятий.

Тибериан замер. Бокал в его руке дрогнул. Он медленно поставил его на стол. Звук был неожиданно громким.

— Повтори, — его голос стал тише на несколько тонов. В нем не было гнева. Было что-то другое. Что-то, похожее на обвал в горах.

— Я сказала, что если в фундаменте...

— Не это, — перебил он. — Как ты меня назвала?

Жасмин встретила его взгляд. Она не опустила глаз. Она видела, как этот взгляд заставлял королей подписывать отречения. — Вы сами сказали, — произнесла она. — «Ты мыслишь опасно». Вы сказали: «Я думал, это займет неделю». Вы сказали: «Я видел такое же выражение». Вы смотрите на меня не как на советника. Вы смотрите на меня, как на свое продолжение. А у продолжения есть только один источник.

Тибериан молчал долго. Смотрел на нее, словно видел впервые. Не боевую машину, не удачный политический инструмент. Он смотрел на женщину в сером платье, которая утром хоронила надежду в портовых трущобах, а днем хладнокровно резала по живому бюджет Империи.

— Аврора, — прошептал он. Имя повисло в воздухе, тяжелое, как могильная плита. — Моя Аврора.

— Я не она, — голос Жасмин дрогнул впервые за весь день. Она сжала кулаки под столом, ногти впились в ладони. — Я не знаю ее. Я не помню ее лица. Я — дочь трущоб. Вы сами это сказали, когда вытащили меня оттуда.

— Трущобы дали тебе голод, — Тибериан встал. Он обошел стол, его тяжелые шаги гулко отдавались в пустом зале. Он остановился в шаге от нее. — А Аврора дала тебе кровь. Я не был святым, Жасмин. До того, как мы... заключили наш династический союз, я был генералом. Я брал города. И иногда... я брал женщин.

Он протянул руку, но не коснулся ее. Просто сжал пальцы в кулак у ее щеки. — Твоя мать была дочерью трактирщика в Южном порту. Я помню ее волосы. Черные, как вороново крыло. И глаза... в них плясало пламя, когда она на меня кричала. Она отказывалась брать золото. Она смеялась мне в лицо. Сказала, что если я хочу ее, я должен прийти без охраны.

Тибериан усмехнулся. Старая, почти забытая усмешка. — Я пришел. Она едва не выколола мне глаз кочергой. Я взял ее силой, Жасмин. Я был молод, глуп и полон войны. Я оставил ее, решив, что это просто еще одна ночь. А через год мне доложили, что в порту появилась девчонка, которая поджигает стружку щелчком пальцев и дерется с мальчишками на ножах.

— Вы купили меня, как породистого щенка, — голос Жасмин был хриплым. — Вы дали мне образование, чтобы сделать из меня кинжал.

— Я дал тебе образование, потому что ты чуть не сожгла портовый склад, пытаясь согреться! — рявкнул Тибериан, и в его голосе наконец прорвалась отцовская ярость. — Я следил за тобой десять лет, дочка. Я видел, как ты делишься куском хлеба с крысами. Я видел, как ты читаешь трактаты по стратегии при свете лучины. Я не купил тебя. Я спас единственное, что осталось от женщины, которую я... которую я, возможно, любил. До того, как корона выжгла из меня эту способность.

Он опустил руку. — Ты права. Я твой отец. И это самая большая слабость в моей жизни. Если Ликтор узнает, что я способен на сентиментальность, меня отравят в ту же ночь.

— Он знает, — тихо сказала Жасмин. — Риан знает. Они видят, как вы на меня смотрите.

— Пусть видят, — в глазах Тибериана снова блеснул холодный расчет императора. — Пусть старая знать думает, что ты спишь в моей постели. Пусть шепчутся. Это броня, Жасмин. Твоя настоящая броня — не сталь и не огонь. Твоя броня — это то, что ты моя кровь. Они могут ненавидеть советника. Но тронуть дочь Императора — значит объявить войну Престолу.

— Я не просила об этой защите, — прошептала она.

— Ты просила о справедливости для тех детей в трущобах, — отрезал он. — Теперь ты достаточно сильна, чтобы ее обеспечить.

Он вернулся в свое кресло. Натянул маску императора обратно на лицо. — Возвращайся к работе. Указ по мануфактурам должен лежать у меня на столе к утру. И найди мне того легионера с выжженной душой. Я хочу знать, насколько глубоко эта Тень пустила корни, прежде чем мы встретим ее на Севере.

Жасмин кивнула. Она развернулась, чтобы уйти, но у самой двери он окликнул ее снова. — Жасмин.

— Да?

— В твоём голосе, когда ты говорила о матери Авроре... — Тибериан смотрел на обруч власти на столе. — В тебе слишком много льда для огненного мага. Берегись этого. Лед убивает вернее, чем пламя. Он просто... делает это тише.

Двери закрылись.

Жасмин вышла в Золотую анфиладу. Придворные, расступавшиеся перед ней, кланялись низко, почти в пояс. Но она видела, как их взгляды стекают с нее, как вода. В их глазах больше не было просто страха перед советником. Там был суеверный ужас. Дочь трущоб, ставшая принцессой по праву крови. Порождение союза Императора и портовой девчонки.

Она шла по мраморному полу, и звук ее шагов больше не казался ей одиноким. Она чувствовала на себе тяжесть имперской короны, которой не было на ее голове. Она чувствовала запах реповой похлебки. И она чувствовала холод. Тот самый, северный, который сегодня впустил в нее Риан вместе со своим кристаллом.

Она остановилась у высокого окна, выходящего на Нижний город. Отсюда, с высоты дворца, трущобы казались лишь темным пятном на теле столицы.

— Вскочка, — прошептала она в стекло, повторяя слова герцога де Вале.

Она сжала правую руку в кулак. Под кожей, по венам, где текла кровь Авроры и Тибериана, пробежал жидкий огонь. А в центре груди, там, где сходились лед и пламя, кристалл Риана отозвался тихим, успокаивающим холодом.

Она была Искусством Спора. Она была Тенью Империи. И теперь, когда все знали, чья она дочь, она наконец-то могла стать по-настоящему опасной.

Глава 4. Торговые пути

Зал Торговых Гильдий пах иначе, чем Малый Совет. Там пахло властью, страхом и пылью веков. Здесь пахло деньгами: воском, дорогим пергаментом, корицей, сушеным инжиром и тем специфическим, кисловатым ароматом чужеземных пряностей, который въедается в одежду торговцев навсегда.

Солнце стояло в зените, пробиваясь сквозь высокие витражи, изображающие прибытие первых купеческих барок к берегам Империи. Свет дробился на разноцветные пятна, ложась на полированный малахитовый стол. За этим столом, в кресле, которое еще вчера занимал канцлер Ликтор, сидела Жасмин.

Напротив нее, истекая потом под тяжестью своих бархатных одеяний, расположились трое. Глава Гильдии Юга, почтенный Махмуд ибн-Саид — тучный мужчина с лицом, похожим на печеное яблоко, и пальцами, унизанными перстнями так густо, что они едва сгибались. По правую руку от него сидел его племянник и переводчик, худой, нервный юноша с бегающими глазами. По левую — молчаливый телохранитель в тюрбане, чья кожа была черной, как обсидиан.

Жасмин знала, что телохранитель не просто воин. Он был из ордена «Безмолвных Клинков». Тот факт, что Гильдия прислала с дипломатами убийцу такого уровня, говорил об одном: ставки в этой игре выше, чем просто цена на шелк.

— Мы не можем принять эти условия, о светлейшая, — прогудел Махмуд ибн-Саид, промокая лоб шелковым платком. Его голос был сладким, как патока, но в нем звенела сталь. — Десять процентов пошлины на ввоз пряностей? Это разорение! Мои корабли будут ходить в убыток. Гильдия скорее сожжет перец в море, чем отдаст его за бесценок.

Переводчик затараторил на гортанном южном наречии, добавляя от себя льстивые эпитеты, которых Жасмин не говорила. Она подняла руку.

— Почтенный Махмуд, — ее голос был лишен эмоций, он звучал ровно и сухо, как шелест счетов. — Переводчик вам не нужен. Я говорю на языке Островов Пряностей. И слово «бесценок» здесь неуместно.

Она взяла со стола свиток, но не развернула его. — Ваша Гильдия ввозит в Империю сто тысяч мешков перца ежегодно. По старой Хартии вы платите три процента. Империя получает триста мешков перца в казну. Мы продаем этот перец внутри страны с наценкой в двести процентов, чтобы покрыть расходы на содержание портовых кранов. Чистая прибыль короны — ничтожна. Ваша прибыль — огромна. Вы богатеете, а наши портовые рабочие едят гнилые бобы. Это плохой баланс. Он ведет к бунтам. Бунты ведут к тому, что ваши корабли начинают гореть прямо у причалов. Это невыгодно ни вам, ни мне.

Махмуд ибн-Саид нахмурился. Он не ожидал, что девчонка, которую при дворе считают то ли палачом, то ли фавориткой, начнет сыпать цифрами.

— Но десять процентов, госпожа...

— Это не пошлина, — перебила его Жасмин. — Это инвестиция.

Она наконец развернула свиток. Это была не налоговая ведомость. Это была карта. Карта южных морей, испещренная красными линиями. — Последние два года ваши караваны теряют корабли. Не от штормов. От когтей Морских Змеев. И от пиратов Архипелага. Вы платите дань вождю Красных Парусов, чтобы он пропускал ваши джонки. Вы платите жрецам Огненного Рифа, чтобы они усыпляли Змеев. Ваши накладные расходы выросли на сорок процентов. Вы просто не говорите об этом Гильдии, чтобы не снижать дивиденды.

Тучный торговец побагровел. Его телохранитель едва заметно сдвинулся в кресле. Жасмин продолжала, глядя прямо в глаза Махмуду: — Десять процентов пошлины — это не грабеж. Это создание Имперского Конвоя. Я уже подписала указ о переброске двух эскадр с

восточного побережья в Южное море. Ваши корабли пойдут под защитой имперских галеонов. Вы перестанете платить пиратам. Вы перестанете терять груз.

Она откинулась на спинку кресла. Солнечный луч из витража упал на ее лицо, на мгновение подсветив глаза так, что они показались Махмуду раскаленными углями. — Ваши накладные расходы упадут. Даже с учетом десяти процентов пошлины, ваша чистая прибыль на один мешок перца вырастет на пятнадцать монет. Гильдия получит больше золота, чем имеет сейчас. Империя получит стабильный поток пряностей и лояльность самой богатой торговой структуры Юга. Мы перестанем быть просто рынком сбыта. Мы станем партнерами.

В зале повисла тишина. Было слышно только, как где-то в углу монотонно жужжит муха, бьющаяся о стекло.

— Вы... вы осведомлены слишком глубоко для... советника по внутренним делам, — выдавил из себя племянник-толмач, нервно теребя рукав.

Жасмин перевела на него холодный взгляд. — Я советник по выживанию Империи. А Империя, которая не контролирует свои торговые пути, — это не Империя. Это кормушка для падальщиков.

Она встала. Малахитовый стол был огромен, но ее движение заставило всех троих мужчин невольно податься назад. Она не повысила голоса. Она просто перестала быть сидящей. Она стала вертикальной осью власти.

— Давайте говорить откровенно, — Жасмин обошла стол. Ее шаги по каменному полу звучали глухо и тяжело. Она остановилась рядом с Махмудом ибн-Саидом. Тень от ее фигуры накрыла торговца. — Вы боитесь не десяти процентов. Вы боитесь, что имперские галеоны увидят, что именно вы возите в нижних трюмах под мешками с перцем.

Махмуд схватился за сердце. — Это поклев! Мы честные торговцы!

— Вы торговцы, — усмехнулась Жасмин. — Честность — это самая дорогая монета, и вы тратите ее только в храмах. Я знаю о «живом грузе». О детях из горных племен, которых вы скупаете за стеклянные бусы и везете в порты Архипелага для арены. Я знаю о «черном лотосе», который вы прячете в бочках с оливковым маслом.

Она наклонилась к самому лицу торговца. От нее не пахло духами. От нее пахло озоном и гарью — запах, который всегда сопровождал всплески ее дара. — Десять процентов пошлины покупают вам не только защиту от пиратов. Они покупают вам мое молчание.

— Это шантаж! — пискнул племянник.

— Это математика, — Жасмин выпрямилась. — Империи нужны деньги на Севере. Война с варварами и этой... Тенью стоит миллионы. У меня есть два пути: обложить налогом дворянство, которое и так точит кинжалы, или забрать долю у торговцев, которые привыкли покупать закон. Дворяне могут устроить переворот. Торговцы — нет. Торговцы умеют только считать убытки.

Она вернулась в свое кресло. Движение было плавным, почти кошачьим. — Итак, — она взяла самопишущее перо. — Десять процентов. Взамен — конвой, отмена взяток портовым чиновникам и...

Она сделала паузу, глядя на перо. — И статус «Имперского Поставщика». Это дает вам право закупать металл с новых мануфактур в Южных Предгорьях по себестоимости. Вы везете нам перец, мы даем вам сталь. Вы сможете вооружать свои корабли лучше, чем пираты. Замкнутый круг. Выгодный всем. Кроме Красных Парусов. Но их мнение меня не интересует.

Махмуд ибн-Саид долго молчал. Его маленькие глазки бегали от карты к лицу Жасмин, затем к перу в ее руке. Он был стар, он пережил трех императоров, он видел, как рушатся династии. Но он никогда не видел, чтобы власть действовала так. Не как сборщик податей, а как архитектор системы.

— А если мы откажемся? — наконец прохрипел он. — Гильдия уведет флот в другие порты. Вольные Города будут счастливы принять наши деньги.

— Уводите, — легко согласилась Жасмин. Она положила перо на стол, даже не обмакнув его в чернила. — Но прежде чем вы отдадите приказ сниматься с якоря, посмотрите на карту еще раз.

Она ткнула пальцем в южную оконечность материка. — Вольные Города сейчас осаждены саранчой. У них голод. Им не до вашего перца, им нужны сухари. Ее палец сместился восточнее. — Архипелаг воюет с Морскими Змеями всерьез. Их флот сгорел в прошлом месяце. Им нужны корабли, а не грузы. Палец вернулся к Южному морю. — А здесь, в проливе Скорби, три недели назад всплыла самка Змея. Она охраняет кладку. Ни один корабль не пройдет там без сопровождения боевого мага. А боевых огненных магов, способных прогнать Змея, в вашей Гильдии нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.